

Со второй половины XIX века благотворительная практика заняла важнейшие позиции в общественно-культурной жизни нашего отечества. Трудно было найти такую область общественной жизни, в которой благотворительность не нашла бы применения.

После 1917 года многие замечательные традиции благотворительности были утрачены. Закон о религиозных культах 1929 года прямо запрещал религиозным организациям любую благотворительную деятельность. Социалистическое государство, отменив частную собственность и сосредоточив в своих руках механизм перераспределения средств, смогло преодолеть деление общества на богатых и бедных, избавиться от массовой нищеты и безработицы, наладить систему социальной помощи населению. Вместе с тем, утрата отдельных форм благотворительности нанесла определенный урон развитию духовной сферы советского общества, так как социальная защита государства уже вряд ли может быть названа милосердием и благотворительностью (в религиозном смысле этого понятия).

Деятельность современных органов социальной защиты часто не сопряжена с милосердием, о чем свидетельствуют результаты многих социологических исследований. Раздача материальных предметов и денег бедным – не синоним милосердия, потому, что она может осуществляться и из других помыслов, например, из тщеславия или из соображений аскетизма.

Таким образом, концепция благотворительности в указанный исторический период, начиная от крещения Киевской Руси и до Октябрьской революции, пережила сложную эволюцию, в ходе которой она испытала влияния со стороны двух институций: церковных и секулярных. Именно взаимодействие и синтез, дуализация и противостояние этих двух влияний определили не только исторические формы отечественной благотворительности, но и ее современное состояние.

Источники и литература

1. Андреева И.Н. Иосиф Волоцкий и традиции «нищелюбия» в Московском государстве // Российский журнал социальной работы. – №1. – 1998. – С.37–39.
2. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм: этические учения XIV-XV веков.– М.: изд-во «Высшая школа», 1977. – 254 с.
3. Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: изд-во «Политиздат», 1989. – 719 с.
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви в 2-х т., М.: изд-во «Терра-Терра», 1992. – 568 с.
5. Коган Л.В. Троиединство свободы // Вопросы философии. – №5. – 1997. – С.31–43
6. Пеунова М.Н. Формирование и развитие этических идей X-XVII вв. сс. 23-48 //«Очерки истории русской этической мысли». М.: изд-во «Наука», 1976. – 400 с.
7. Поучение Владимира Мономаха // Из истории русской гуманистической мысли. – М.: изд-во «Просвещение», 1993. – 288 с.
8. Шлихтер А. Местное самоуправление в системе федерализма: проблемы России и опыт США // Мировая экономика и международные отношения. – №6. – 2002. – С.45–54

Ставицкий А.В.

МИФ ТРАДИЦИОННЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ

Анализ основных подходов в изучении мифа наглядно показывает, что не все исследователи рассматривают миф как явление, изначально свойственное человеку, присущее обществу на всех этапах его развития, и потому уже не являющееся чем-то патриархальным, рудиментарным, отживающим. Происходит это потому, что под мифом они понимают архаичные повествования о деяниях богов и героев, создание коллективной общенародной фантазии первобытного человека, и, таким образом, не распространяют понятие мифа на современность [См.: 1]. Это т. н. классическое или традиционное понимание мифа пока еще господствует в обществе. Но постепенно в нем все более утверждается мнение, что помимо древних мифов, ставших частью литературы и традиции, в обществе существуют мифы иные, современные. Большинство тех, кто признает это, пока еще воспринимают современный миф как рудимент, наследие веков, пережиток. И насколько это возможно, пытаются их увязать с действующим еще в глубинке народным фольклором, поверьями, знахарями и колдунами; либо с ложью, заблуждениями, иллюзиями. Но открытия, сделанные учеными в области психологии и семиологии, все более настойчиво убеждают, что проблема понимания современного мифа значительно сложнее. Согласно их выводам, под влиянием своих чувственных представлений и формирующей его культуры сознание современного человека оказывается наперед заполнено огромным числом коллективных представлений, под влиянием которых все предметы, живые существа, неодушевленные вещи или орудия, приготовленные рукой человека, мыслятся всегда обладающими множеством мистических свойств. И хотя чаще всего данное описание связывают с сознанием первобытного человека, представления современных людей принципиально от них не отличаются, поскольку любая культура изначально мифологична и не сводится к мифологическим построениям древних. Ведь все, что современный человек называет истиной, как правило, подтверждается не его личным опытом, но коллективным опытом культуры, которая обычно принимается на веру. Так вера в определенные истины, выработанные культурой, в которой формируется человек, становится истиной и для него. Но истины, принятые той или иной культурой, не сводимы к данным непосредственного восприятия. Они воспринимаются человеком как факт культуры и потому функционируют по законам мифа.

Объясняется это тем, что мифотворчество – естественное свойство человеческого сознания, постоянно порождающего символически окрашенные образы окружающих человека людей, вещей, явлений, в кото-

рых он выражает свое мироощущение и отношение к ним. И потому миф – не только сказания о богах и героях прошлого, пережиток архаики, воспринимаемый как миф, вымысел, фантазия, литература, но вся чувственно воспринимаемая и в образно-символической форме отражаемая реальность. Миф, воспринимаемый исповедующими его людьми как подлинная, настоящая действительность, истинность которой для них неоспорима.

Именно таков миф современный. Он существует и будет существовать, потому что любая вещь, любое явление, любой человек, достаточно интересные, важные, значимые для нас, нами прочувствованные и пережитые, вольно или невольно становятся в наших представлениях тем мифом, который мы принимаем как данность. Они обретают в наших глазах символически оформленные образы, наполненные той информацией, которую мы захотим в них увидеть и принять. И тогда они станут для нас частью нашей жизни и памяти; фактом, истиной культуры, в смысловом поле которой мы живем.

В результате люди, общество, государство постоянно "производят" и навязывают окружающим свои мифы, в которых выражены их видение действительности, их сознательно понимаемый или неосознанный интерес, а социальная среда позволяет им "прорасти" в обществе, обретая ту феноменальную силу, какую имеет над нами лишь то, что принято не разумом, но чувством. О том, как легко и быстро возникают мифы вокруг нас, свидетельствует хотя бы небольшая заметка в газете "Украина-Центр" под названием "Десять современных мифов о волосах" [2, с. 15.]. Под ними в данном случае понимаются "основные заблуждения, которые популярны среди американцев". К ним, в частности, относятся такие "ложные", по мнению авторов, умозаключения, что "перхоть заразна", "человек может поседеть в одну ночь", "стрижка волос делает волосы крепче" или что "расчесывание полезно для волос". И таким объектом мифологизации может действительно стать все, что угодно.

Традиционный миф и миф современный имеют ряд общих черт, позволяющих их объединить под общим понятием "миф", но вместе с тем существенно отличаются друг друга. Из признаков, объединяющих разные типы мифов, мы выделим три основных. Во-первых, они по-своему объясняют окружающий мир, создавая особый символически окрашенный воображаемый образ реальности, обращенный в прошлое, настоящее и будущее, воплощающий мечты и надежды людей, их самые потаенные мотивы и желания, закрепляющий господствующие в обществе предрассудки и иллюзии. Во-вторых, и это во многом важнее объяснения мира – они оправдывают и, следовательно, узаконивают существование той общности, той культуры, которая этот миф исповедует, наделяя их существование чрезвычайно важным для них смыслом (оправдание человека смыслом). В третьих, они являются организующей силой общества, способом его духовной самоорганизации, определяя отношения в обществе (коллективе) и поведение людей, реализуясь в общественных отношениях, укрепляя социальные связи, воплощаясь в ценностях и идеалах, закрепляясь в нормах и ритуалах, определяя основные параметры человеческого бытия, отличного от других сообществ и культур. Таким образом, они придают осмысленность всему человеческому существованию, гармонизируя и упорядочивая его.

Следует отметить, что отличия, по которым обычно разделяют архаичные мифы от современных, на наш взгляд весьма условны. Так, принято считать, что в отличие от традиционных (архаичных) мифов, объектом мифологизации которых являются боги, предки и культовые герои, современные мифы рассматривают реальные события прошлого и настоящего. Хотя, в первом случае, речь тоже может идти о реально происшедших событиях. С другой стороны современные мифы вполне могут работать в режиме традиционного, делая предметом культа и религиозного поклонения реальных людей (Ленин, Гитлер, Сталин, Мао Цзедун и др.), оформляя это поклонение массовыми, обязательными для исполнения ритуалами, которые мало чем отличались от того, что делали носители мифов архаичных. Также принято считать, что современные мифы не достаются новым поколениям по традиции, а создаются людьми, сообществами, социальными группами, институтами власти, средствами массовой информации. И это в целом верно, если они охватывают своим существованием лишь одно поколение людей. Но в случае, если они успевают стать частью традиции, эта особенность становится малозначимой. Кроме того, если архаичные мифы целиком основываются на вере и передаются посредством рукописных (сакральных) текстов или устных сообщений, современным мифам этого недостаточно. Они построены на определенно толкуемых фактах, по-своему логичны и "проверяются" эмпирически. Они опираются не только на научные теории своего времени, но на весь "опыт" культуры, выраженные в определенной идеологической доктрине, сохраняя полную видимость правдоподобия и наукообразия для тех, кто их принимает и ими живет. А также распространяются в основном посредством средств массовой информации. Как видим, общего в этих мифах больше, чем различий.

Естественно, мы в данном случае сравниваем мифы, исходя из отношения к ним реальных носителей мифов, т. е. тех, кто в свои мифы верит. Ведь, перестав быть объектом веры и поклонения, миф не может отождествлять себя с реальностью и, следовательно, как миф уже не "работает", являясь иллюзией и обманом для любого, кто его не разделяет. В связи с этим особо следует оговорить тот очевидный факт, что действующий, "работающий" миф в той социальной среде, где он "работает", не распознается, так как в этом случае воспринимается не как миф, но как подлинная прочувствованная смыслованная реальность. Когда же миф исчерпал свой ресурс и, следовательно, не может "работать", воздействуя на людей в прежнем режиме, и восприниматься, как подлинная реальность, его спешат объявить мифом. Хотя как миф он уже "умер" и, следовательно, таковым уже не является. И в этом случае, возможно, вся разница между мифом "архаичным" и мифом "современным" заключается лишь в том, что первый – уже отжил свое, "умер" и воспринимается исключительно как миф, т. е. вымысел, фикция, заблуждение, обман. Второй же миф – живой, прочувствованный, переживаемый, творимый, действующий. Он полностью отождествляется с реально-

стью, наделяя ее высшим смыслом, и потому людьми, верящими в него, мифом называться не может. Пока он живет, он носит иное название: мечты, ценности, заветы, идеалы. И так будет продолжаться, пока не наступит новое время, которое потребует полной или частичной замены одних мифов на другие.

Таким образом, видно, что, по сути, миф является сложной саморазвивающейся знаково-символической системой, которую можно рассматривать как литературу (патриархальный, традиционный, архаичный миф) или как жизнь (современный миф); как непосредственную реальность или ее особый "мистический" образ; как функцию или субстанцию; как определенный уровень духовных отношений; как цель, как память, как норму и основу жизни; как критерий или абсолютный идеал бытия.

Говоря о функционировании мифов в обществе, следует отметить, что ни один миф не существует сам по себе, в отдельности, хотя именно так, как правило, рассматривается. Он всегда часть мифологической системы, включающей в себя всю совокупность работающих на нее мифов, маленьких и больших, взаимодействующих, переплетаясь, составляющих некую единую сложную иерархическую структуру.

Среди наиболее значительных мифов такого рода можно выделить "советский миф", "американский миф", "мифы Запада", "демократический миф", "тоталитарный миф", "мифы холодной войны" и пр., каждый из которых представляет собой сложную мифологическую систему, включающую самые разные мифы (социально-политические, экономические, национальные, культурные, бытовые), построенные в определенной заданности и в соответствии с определенной иерархией. В них каждое заинтересованное лицо (государство, общество, нация, класс, партия, человек) предлагает и культивирует свое видение мира, свои идеалы и ценности, свои варианты социального поведения и решения назревших проблем. Стоит отметить также, что и они не существуют изолированно друг от друга, хотя и "работают" по принципу замкнутых систем, поскольку построены на взаимодействии, становясь, в несколько измененном виде, частью друг друга. Так, скажем, "демократический миф" включает в себя критический анализ "тоталитарного мифа" [См.: 3]; при этом они могут быть включены в мифологию "холодной войны", по-разному подаваемую в зависимости от того, с чьей позиции она рассматривается. "Коммунистический миф" может включать в себя "советский миф" как некое "практическое" приложение, но при этом сам он входит частью в "советский миф", составляя его "теоретическую" основу. В этом случае мифом может стать отношение к государству, к правам человека, к собственности, к идее свободы ("осознанная необходимость" или "право выбора") или справедливости (как мести, награды, воздаяния или возмездия).

Миф может прятаться в символе (красная звезда, крест, тризуб), "исторической" сказке (напр.: рассказы о вождах-основателях или исторических героях), метафоре ("великий кормчий", "железная леди", "рука Москвы"), художественном фильме (напр.: "Кубанские казаки"), картине (напр.: "Малая земля" Налбандяна), песне ("Широка страна моя родная") [См.: 4]; проявиться в притче (напр.: "гадкий утенок") или анекдоте (напр.: о Н. С. Хрущеве), в которых отражаются определенные взгляды, отношения, духовные ценности. Он может проступить в каком-либо образе (статуя Свободы или «Рабочий и колхозница»), лозунге (напр.: "Русские идут"), афоризме (напр.: "Умом Россию не понять..."), или выразиться и воплотиться в какой-либо омысленной фразе (напр.: "Все говорят, что нету правды на земле, а я скажу, что нет ее и выше").

Миф может вырастать из слухов, мнений, подборки политических новостей и даже на основе одной грамотно сделанной (с соответствующими комментариями) и запущенной в средства массовой информации фотографии (напр.: "Коммунисты – вперед" или "узник сербских концлагерей", "Ельцин на танке" или "борцы за свободу Чечни"). При этом, еще раз подчеркнем, ни один из этих "частных" мифов не возникает сам по себе. Он всегда возникает, прорастает и функционирует в рамках определенной питательной для него мифосистемы, встраиваясь в нее и выполняя в ней свою особую роль.

В результате миф становится заложником определенной традиции восприятия; определенным образом "воспитанной" мысли. Правда, в конкретных условиях, он сам успешно использует традицию в борьбе против других мифов, формируя своеобразную иммунную систему той или иной культуры. И в тех случаях, когда мы сталкиваемся с этим, особенно видно, что любая мифологизация окружающего мира – проверка пригодности, а не истинности "своего" видения. Впрочем, что считать истинным сегодня, как правило, решает все та же традиция.

При анализе посвященных мифу исследований крайне важно определиться в том, что мешает дальнейшему его изучению. Но с другой стороны следует признать также, что, несмотря на сохранение в отношении мифа определенных ошибок, в XX веке интенсивно формировались иные принципы отношения к нему. В основе их лежат:

1) понимание, что многие ценности традиционных культур начинают вписываться в современные культуры, и мифы – в том числе. В подтверждение этого известный культуролог М. Элиаде писал, что "мы, наконец, начинаем осознавать и понимать то значение "мифа", которое было заложено в него "примитивными" и архаическими обществами, то есть теми слоями человечества, где миф является истинной основой общественной жизни и культуры" [5, с. 8]. И не случайно "лучшие умы своего времени признавали за мифом статус реальности, реальности властной и ощутимой" [6, с. 169];

2) восприятие мифа как поля реальности и реабилитация его как символического выражения основ бытия, определенной формы обобщения исторического опыта (исходит из повторяемости в истории), способа гармонизации представлений об окружающем мире и месте человека в нем, средства разрешения проблем через более простое и понятное;

3) понимание мифа как важного элемента коллективного сознания, как иррациональную сферу в символическом пространстве общества. В результате все эмоциональное содержание личной и общественной жизни от рождения и до смерти отливаются в мифе, который мы творим непрерывно для других и для себя;

4) выявление связи между мифом и качеством восприятия окружающего мира, а также между мифологизированным сознанием и отражаемой им реальностью.

Как видим, постановка проблемы современного мифа и его функционирования в обществе требует его "расширительного толкования", которое наиболее полно изучили и разработали такие выдающиеся мыслители и исследователи мифа, как А. Ф. Лосев [См.: 7, 8], К. Г. Юнг [См.: 9, М. Элиаде [См.: 10], Дж. Кэмпбелл [См.: 11], Р. Барт [См.: 12], Ю. М. Лотман [См.: 13], К. Хьюбнер [См.: 14], А. М. Лобок [См.: 15].

В их понимании миф присущ человеку и его сознанию на всех этапах развития общества, составляя основу и сущность любой культуры, представляя не до-логическое, незрелое понимание мира, а другой аспект отражения реальности; один из способов (наряду с наукой и религией) ее познания и переживания [См.: 14]. В их представлении миф – чувственно воспринимаемая и в образно-символических формах отражаемая и творимая реальность; способ духовной самоорганизации общества; особый язык описания, в терминах которого человек с древнейших времен моделировал, классифицировал и интерпретировал себя, общество, мир. Для них миф – осмысленное знание культуры, вплетенное в структуру его жизненных ценностей и переживаний, не только дающее определенное объяснение действительности, но придающее жизни человека некий высший смысл. Тот смысл, который человек ищет с момента зарождения и без которого не представляет своего существования. Более того, именно благодаря мифу, человек сумел через "поименование" упорядочить мир вещей и явлений и сделать его обжитым для себя [См.: 7, с. 29-196]. Именно благодаря мифу он создал иную, образно-символическую, мета-реальность, которая предстает перед ним как "всевозможный мир" (А. М. Лобок); мир, который в любую минуту человек может не только отразить в образах, но и предметно преобразовать [См.: 15].

Особое значение для современного понимания мифа имеют работы А. Ф. Лосева, воплощающие синтез философии и семиологии в действии, где блестящее знание традиционного мифа сочетается с пониманием и рассмотрением его в самом широком смысле, в свете которого он может сверкать всеми красками своего бытия.

Согласно его определению миф – необходимая "категория сознания и бытия" в целом, "жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность", "реально, вещественно и чувственно творимая действительность", отрешенная "от обычного хода явлений" [7, с. 269], но вместе с тем, от них неотделимая. Он – не схема, не аллегория, но символ; живое, символически выразительное бытие, символически отрешенная реальность; "бытие личностное, образ бытия личностного, лик личности" [7, с. 270]; "телесно осуществленный символ" [7, с. 272], "в словах данная чудесная личностная история" [7, с. 384], "слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность" [7, с. 385], "энергичное самоутверждение личности", "реально, вещественно и чувственно творимая действительность" [7, с.235], "развернутое магическое имя" [7, с. 386], где имя есть жизнь. Последнее определение А. Ф. Лосева особенно значимо, ведь назвать вещи, дать им имя, значит не только определить понятную нам их внутреннюю сущность, но и определить их роль и место в мире. Значит - преодолеть хаотичное течение жизни, сделав мир упорядоченным и осмысленным. Вот почему "именем и словами создан и держится мир. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир" [8, с.746]. В этой последней формуле, обладающей универсальным значением, А. Ф. Лосев видел диалектический синтез личности и ее выраженности, ее осмысленности, ее словесности, включающей в себя все, что присуще, выявлено, выражено и отражено в личности. В ней заложена "окончательная и центральная смысловая точка мифа" [7, с.386], которой в исследовании современного мифа на наш взгляд и следует придерживаться, так как в ней выражено то явно неизменное в характеристике мифа, что делает его вечным спутником и современником всех людей.

Источники и литература

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление: Пер. с фр. – М.: Безбожник, 1930. – 531 с.; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. –М.: Наука, 1994. – 326 с.; Леви-Строс К. Первобытное мышление: Пер. с фр. – М.: Республика, 1994. – 384 с.; Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998. – 417 с. ; Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.; Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
2. Украина-Центр. 13 декабря 2002.
3. Щербинина Н. Г. Герой тоталитарного мифа. Томск, 1998. – 137 с.
4. Щербинин А. И. "С картинки в твоём букваре", или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Политические исследования.– 1999. - № 1. – С. 116–136; Щербинин А. И "Я русский бы выучил только за то..." Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников // Политические исследования, 2000.– №1. – С. 124–141; Щербинина Н. Г. "Герой" воспетый (Политологический анализ песен о Сталине) // Политические исследования, 1998. – №6. – С. 103–112.
5. Психология религиозности и мистицизма: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 544 с.
6. Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова – М.: АИРО-XX, 2000. – 216 с.
7. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. – М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. - 1024 с.
8. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль. 1994. – 919 с.
9. Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с нем. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.; Юнг К. Г. Душа и миф: Шесть

- архетипов / Киев; М.: Порт-Рояль; Совершенство, 1997. – 384 с.; Юнг К. Г. О современных мифах: Сб. трудов / Пер. с нем., предисл. и примеч. Акоюяна Л.О.; Под ред. Оганесяна М.О., Лахути Д.Г. – М.: Практика, 1994. – 251 с., ил.
10. Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.; Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.; Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 311 с.; Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / Е. Морозова (пер. с фр.), Е. Мурашкинцева (пер. с фр.). — С.Пб.: Алетейя, 1998. — 250 с. — (Миф, религия, культура); Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.-К., 1996. – 463 с.; Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.
 11. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Пер. с англ. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997. – 384 с.; Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить / Дж. Кэмпбелл: Пер. с англ. Кирилл Семенов. – К.: «София»; ИД «Гелиос», 2002. – 256 с.
 12. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа "Прогресс", "Универс", 1994 – 616 с.; Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Зенкина С.Н – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 314 с.
 13. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: "Искусство-СПБ", 2004. – 704 с.
 14. Хьюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 447 с. (Мыслители XX века)
 15. Лобок А. М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. – 686 с.

Троицкая Т.С.

ФІЛОСОФСЬКО-АНТРОПОЛОГІЧНИЙ ВИМІР СУЧАСНОГО МОДЕЛЮВАННЯ ОСВІТНЬОГО ПРОЦЕСУ

Розгляд освіти в контексті глобальних змін як гуманітарної моделі життєдіяльності людини потребує переосмислення ролі моделювання як певного філософського феномену, який, насамперед, детермінований метою, змістом, організаційно-управлінськими умовами сучасної освіти, центром яких є особистісний розвиток суб'єктів навчання і виховання (Учень - Учитель).

Так склалося, що поняття «моделі», «моделювання» останнім часом використовуються в науковій літературі дуже часто і, як правило, у різних контекстах, багатоаспектно, іноді некоректно. Одразу ж відзначимо, що питання, пов'язані з моделюванням, широко обговорюються у загальнофілософській літературі та працях з методології різних наук. Ще на початку 70-х років ХХ століття російський дослідник А. Уемов провів логічний і методологічний аналіз майже всіх відомих на той час тлумачень поняття моделі. На основі цього аналізу він обґрунтував поняття моделі, що охоплює загальні, значущі для усіх наук, ознаки цього поняття як системи, дослідження якої слугує засобом для отримання інформації про іншу систему [6].

Сьогодні моделювання використовується в усіх без винятку науках і на всіх етапах наукового дослідження. Евристична сила цього методу визначається тим, що за його допомогою вдається звести вивчення від складного до простого, небаченого й невідчутного до видимого й відчутного, незнайомого до знайомого тощо. Практична цінність моделі в будь-якому науковому дослідженні, в основному, визначається її адекватністю вимірюваним сторонам об'єкта, а також тим, наскільки правильно враховані на етапах побудови моделі основні принципи моделювання (наочність, визначеність, об'єктивність), які у багатьох випадках визначають як можливості і тип моделі, так і її функції у дослідженні.

Відомо, що виявлення досліджуваних об'єктів за допомогою моделі (моделюванням) розуміється як теоретичне чи практичне дослідження, в якому безпосередньо вивчається не сам об'єкт пізнання, а допоміжна штучна або природна система, яка знаходиться з ним в певних об'єктивних зв'язках і яка здатна його замінити в певному відношенні та надавати інформацію саме про модельований об'єкт. До моделювання, як правило, звертаються тоді, коли неможливо одразу приступити до пізнання сутності об'єкта, що досліджується, та немає умов для безпосереднього оволодіння ним.

Праксеологічний зміст моделі, якщо екстрополовати її в теорію і практику освіти, виявляється в тому, що ця модель допомагає виділити актуальні та перспективні завдання навчально-виховного процесу, виявити, вивчити та науково обґрунтувати умови можливого зближення вірогідних, очікуваних та бажаних змін об'єкта, який вивчається.

Пізнавальну значимість моделювання, як спрощення та інтерпретації, важко переоцінити. Невипадково І. Новік зазначив, що «пізнати об'єкт означає змоделювати його» [4, с. 37]. Правда, практична побудова моделей у гуманітарних науках розуміється то як гіпотеза об'єкту (І. Ревзін), то як певна його імітація та формалізація (Б. Грязнов), або як штучно створений об'єкт у вигляді схеми, фізичної конструкції, знакових форм і формул (О. Дахін) тощо.

Сутності та ролі моделювання у сучасній науці присвячено багато напрацювань відомих вчених (Л. Виготський, В. Давидов, В. Зінченко, Л. Калуге, В. Краєвський, Е. Маркс, В. Монахов, М. Петрі, Г. Селевко, О. Сердюк, А. Фурман, Е. Ямбург та інші). Проте, на нашу думку, вектор моделювання достатньо жорстко спрямовується тільки на об'єкт, що передбачає так чи інакше дію мислення в понятійній формі на протиположності предметно-чуттєвому мисленню. Відтак, значна частина філософсько-світоглядних компонентів світорозуміння, на нашу думку, залишаються поза межами моделювання. У той же час варто погодитися з Л. Виготським, що ці компоненти заміщують «недолік об'єктивних знань великим обсягом суб'єктивних зв'язків і сприймають зв'язок вражень й думок як зв'язок речей» [2, с. 137]. Отже, цей вид моделювання (чуттєво-образне моделювання) можна вважати «квазімоделюванням», але він значною мірою окреслює просторово-часові, духовно-ціннісні параметри освітніх явищ. Саме тому сучасне моделювання не можна